

«ГОЙЯ»: ПЕРЕД КАМЕРОЙ — ДОНАТАС БАНИОНИС

ЕСТЬ в нашем отношении к экранизации наивная радость «узнавания». Известнейший немецкий режиссер Конрад Вольф снимает «Гойю» по роману Фейхтвангера.

...В тронном зале испанских королей окна завешены траурным тюлем: недавно умер печальный герцог Альба. Здесь идет церемония представления посла Французской республики Гильмарде (Михаил Козаков).

Фейхтвангер нарисовал современника Гойи такими, какими они ему, писателю, читались на портретах придворного живописца. Но у каждого, глядящего на эти портреты, возникают свои образы. Может, тем и близок многим поколениям щедрый Гойя, что он позволяет додумать, представить, досказать. Его портреты не однозначны, так же как разнообразен он сам.

...Поражает болгарская актриса Татьяна Лолова — королева Мария-Луиза. Хотя у Гойи королева с крючковатым носом, с черными глазами, а Лолова голубоглаза и слегка курноса — это она, Мария-Луиза, чужеземка, сладострастная и хищная правительница Испании, созданная талантом Фейхтвангера и гением Гойи.

Вот умное, чуть насмешливое, чуть грустное лицо Бермудеса (известный польский актер Густав Голоубек). И на фоне пестроты мундиров и парчи — вдруг черное пятно. Бледное лицо за сеткой траурной вуали. Нет в ее глазах вдовьей скорби, когда она поворачивает только что смиренно склоненную голову в сторону художника.

Накануне я, естественно, спросила Конрада Вольфа, красива ли в картине югославская актриса Оливера Вуча.

Казтана Альба, так щедро описанная Фейхтвангером и так не удавшаяся художнику, по мнению самого Гойи, безусловно, заставила помучиться и режиссера.

— Очень ли красива, — пе-

респросил Конрад Вольф, — не знаю. Но она — ведьма.

Матово-белое лицо в черной рамке кружев. Живая, капризная, разная, воспеваемая поэтами герцогиня Альба.

Фильм, как и роман, плотно населен героями, и почти перед каждым останавливаешься в раздумье, как и перед портретами Гойи.

В ателье художника мы застаем еще одного хорошо знакомого человека. Мы видели его в театре Брехта, в лентах кинохроники.

Антифашист, бунтарь, Эрнст Буш играет мятежника Ховельяноса. Он почти без грима, во всяком случае, он очень похож на Эрнста Буша, он старше Ховельяноса на портрете Гойи и необычайно схож с ним.

Фильм, конечно, — не иллюстрация к роману. Многие сюжетные линии пришлось исключить. Выступила главная: как в мире зеркальных стен, стеклянных полов, золоченых кресел, в диких садах Эскуриала, под высокими сводами древних церквей задыхается гений.

Я до сих пор ничего не сказала о человеке, к которому сходятся все нити сюжета. Даже эпизодическая роль Баниониса всегда запоминается. Здесь Банионис дан крупным планом.

...Черной лужей расплылся, под головой лежащего на полу Гойи осколок зеркала. Лицо Баниониса чужое, небритое, страшное.

Такое лицо увидел гложущий, сразу постаревший Гойя в зеркале над камином. Он бросает в это черно-белое лицо канделябр. Зеркальные стены комнаты Гойи в Кадисе отражают холодную, надменную герцогиню Альбу. Гойя бьет, бьет, бьет зеркала, и за ними — вместо стены — глухая бесконечная

темень, в которой шевелятся человекоподобные чудовища, то гогочущие, то хихикающие.

«Сон разума рождает чудовищ».

Утро застаёт художника распростертым на полу среди перевернутых стульев, брошенных ваз, подсвечников, стаканов. За зубчатыми осколками зеркал, как и положено, — кирпичные стены. Мир снова обрел реальность. Только теперь он безмолвен, этот реальный мир.

Почему, собственно, такое отчаяние, ужас, приводящий к полной глухоте?

Неужели это она, окаянная, прекрасное, дерзкое существо, — Казтана — сводит с ума королевского живописца? Отчего портреты, написанные им еще недавно, восхищающие знатоков, давшие на века новую жизнь моделям художника, сейчас рождают на бумаге уродливые морды? Вот кто окружал его во дворцах, салонах, поместьях! Чудовища, звери, ослы, облеченные властью.

В этой сцене легко переиграть. Донатас Банионис — актер, обладающий удивительным чувством такта, он как бы смиряет в себе испанские страсти, его жесты точны, скупы, а на лице — горе, ужас, усталость, сокрушенность, болезни.

Назавтра я снова застаю Конрада Вольфа в кадисской комнате Гойи. Осколки зеркала уже сложены в ящики, кресла покрыты чехлами, в соседнем павильоне декораторы отделывают карету Гойи. Мы идем по пустым в субботу коридорам ленфильмовского филиала «Сосновая поляна» в костюмерную. Тут развешаны бесплотные сейчас чудовища из ночного кошмара Гойи.

Ослиные головы, невероятные туловища фантастических летучих мышей, мошеры и монахи-мертвецы («Они уйдут, когда будет рассвет»). Они знакомы нам по листам «Капричос».

— Я решил ставить этот фильм где-то в 1961 году, а съемки начались в прошлом году, — рассказывает Конрад Вольф. — Естественно, мы собрали очень большой архив — это репродукции картин Гойи. Что касается литературной части, то тут мы практически ничем, кроме самого романа, не располагали.

— У Марты Фейхтвангер, вдовы писателя, не оказалось ни черновиков, ни набросков, ни даже записей второго, задуманного Фейхтвангером романа о Франсиско Гойе.

— Но зато сам роман — какой благодатный материал для кино! Посмотрите, ведь Фейхтвангер — прирожденный сценарист, такая литература прекрасно переводится на язык кино.

— Впрочем, я не хотел бы приуменьшать роль автора сценария фильма болгарского драматурга Анжела Вагенштайна. У Фейхтвангера мы расстаемся с художником в 1806 году. Фильм идет дальше. Мы делаем эпилог, который составляет почти пятую часть фильма и называется «Баллада против войны».

Что же включает эпилог?

...Титр «Мадрид, 1808».

Картина «Расстрел повстанцев» в ночь на 3 мая 1808 г.». Рисунки из серии «Бедствия войны». Приход к художнику Великого инквизитора (его с блеском играет

польский актер Мечислав Войт).

Мы уже видели Великого инквизитора, когда в церкви Сан-Доминго-эль-Реаль выносили приговор четырем еретикам, мы слышали тогда же песню Испании, песню Марии Росарио — танцовщицы из мадридской таверны, осужденной за то, что она исполняла фанданго, танец, запрещенный инквизицией.

Теперь эта песня сопровождает Гойю в эпилоге, когда горы его Испании остаются позади. Он бежит во Францию...

— Наш фильм делается двумя студиями: «Ленфильм» и ДЕФА. Кроме павильонных съемок на обеих студиях, у нас очень много натур. Часть уже отснята в Югославии — в Дубровнике, парк и дворец Эскуриал — в Балике, в Болгарии, а в августе будем заканчивать натурные съемки в Ялте.

Конрад Вольф снова рассказывает об актере, играющем главного героя. Выбор его был сделан сразу:

— В нем остается еще недораскрытое, недосказанное, ровно настолько, сколько хотелось бы режиссеру. И можно додумать, дорисовать, ну, словом, от его игры порою такое же ощущение, какое бывает, когда отходишь от полотен Гойи...

Г. ДОЛМАТОВСКАЯ

М. н. 223. 1970, 14 июня и 25